

ВЕСТНИК

МЕЖДУНАРОДНОГО ИНСТИТУТА
ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

36

International Institute
for Central Asian Studies (IICAS)
by the UNESCO Silk Road Programme

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель Редакционного Совета: **Дмитрий Алексеевич Воякин**, кандидат исторических наук, директор МИЦАИ; **Бахтияр Мираимович Бабаджанов**, доктор исторических наук, профессор, Институт востоковедения имени Абу Райхана Беруни АН Республики Узбекистан; **Хулио Бендесу-Сармиенто**, PhD по антропологии, Университет Париж 1 Пантеон-Сорбонна; **Рафаэль Миргасимович Валеев**, доктор исторических наук, профессор, Казанский федеральный университет, вице-президент НК ИКОМОС Россия; **Она Вилейкис**, PhD по архитектуре, Университетский колледж Лондона (UCL); **Егор Петрович Китов**, кандидат исторических наук, Институт этнологии и антропологии РАН, Институт археологии Министерства науки и образования Республики Казахстан; **Роланд Линь Чжихун**, PhD по истории искусств и археологии, профессор, Университет Париж-Сорбонна; **Павел Борисович Лурье**, кандидат филологических наук, Отдел Востока Государственного Эрмитажа, Санкт-Петербург; **Ма Цзянь**, профессор Школы культурного наследия Северо-Западного университета в Сиане, Китайская Народная Республика; **Симоне Мантеллини**, PhD по археологии, Болонский университет, Италия; **Шаин Меджид оглы Мустафаев**, академик, доктор исторических наук, Международная Тюркская академия, Астана, Казахстан; **Клод Рапен**, доктор наук по археологии, директор исследований, Национальный центр научных исследований, Париж; **Айрат Габитович Ситдииков**, доктор исторических наук, Институт археологии им. А. Х. Халикова АН Республики Татарстан; **Майкл Фрачетти**, профессор археологии Университета Вашингтона в Сент-Луисе, США; **Булат Доскалиевич Хусаинов**, доктор экономических наук, Казахстанско-немецкий университет, Алматы; **Михаил Шенкар**, профессор кафедры доисламских иранских исследований Еврейского университета Иерусалима, Израиль; **Казуи Ямаучи**, профессор археологии Университета Тэйко, Япония.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор: **Руслан Гельдыевич Мурадов**, профессор Международной академии архитектуры, отделение в Москве (МААМ); **Энхбат Авирмед**, Школа бизнес-администрирования и гуманитарных наук Монгольского университета наук и технологий; **Бакыт Элтиндиевна Аманбаева**, кандидат исторических наук, профессор, Институт истории и культурного наследия НАН Кыргызской Республики; **Фарда Магеррам оглы Асадов**, доктор филологических наук, профессор, Институт востоковедения НАН Республики Азербайджан; **Наранбаатар Баасансурен**, докторант Школы делового администрирования и человечества, MUST, Монголия; **Бауыржан Абишевич Байтанаев**, академик, доктор исторических наук, Институт археологии Министерства науки и образования Республики Казахстан; **Стивен Гилберт**, PhD по историческим, этнографическим и теологическим исследованиям, Центр археологии Ланье при Университете Липскомба, США; **Светлана Горшенина**, доктор исторических наук, директор исследований, Университет Женевы, Национальный центр научных исследований, Париж; **Эльмира Фатхлбайновна Гюль**, доктор искусствоведения, профессор, Институт искусствознания Академии наук Республики Узбекистан; **Александр Бабаниязович Джумаев**, кандидат искусствоведения, директор Исследовательской группы «Макам» Международного совета по традиционной музыке, Ташкент; **Лариса Назаровна Додхудоева**, доктор исторических наук, Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша АН Республики Таджикистан; **Хи Су Ли**, профессор Университета Ханьян, Сеул, Республика Корея; **Тигран Константинович Мкртычев**, доктор искусствоведения, директор Государственного музея искусств им. И. В. Савицкого, Нукус; **Филипп Мойзер**, доктор технических наук, архитектор, издатель, приглашенный профессор общественных гуманитарных наук, Университет Брауна, Провиденс/Род-Айленд, США; **Шакирджан Расулевич Пидаев**, кандидат исторических наук, директор Института искусствознания АН Республики Узбекистан; **Дильшод Камолзода Рахими**, НИИ культуры и информации Министерства культуры Республики Таджикистан; **Ганиур Рахман**, директор Института азиатских цивилизаций Таксила, Университет Каид-и Азама, Исламабад, Пакистан; **Эврен Рутбил**, Турецкое агентство по сотрудничеству (TİKA); **Халил Ширголами**, доктор, Институт политических и международных исследований, исполняющий обязанности вице-президента, Иран; **Тим Уильямс**, профессор кафедры археологии Шелкового пути Института археологии при Университетском колледже Лондона (UCL); **Саид Хатиб-заде**, Институт политических и международных исследований (IPIS), Иран.

Заведующая редакцией **Анастасия Степанова**

Идеи и мнения, выраженные авторами журнала, могут не совпадать с точкой зрения МИЦАИ и не налагают на институт каких-либо обязательств.

СОДЕРЖАНИЕ

ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ

Б. М. Абдуллаев Новое в захоронениях эйлатанского типа на востоке Ферганы (VII–III вв. до н.э.)	7
Н. Ю. Кунгурова Рубцовский могильник (Предалтайская равнина)	20
В. Ю. Крюкова Образы <i>храфстра</i> в демонологии Авесты	30
Г. Р. Каримова Кому поклонялись в храме Окса на городище Тахти-Сангин	36
Р. Х. Сулейманов, Х. Г. Ойназаров Петроглифы Анджирата	50
Габриэль Рэй Чи Ле Мередит Китайские камни в персидских садах: сравнительный анализ камней в китайской и персидской живописных традициях	57
Абдул Кадус Возрождение буддизма в Пакистане	77

ВОПРОСЫ ИСТОРИОГРАФИИ

Р. Г. Мурадов Развитие археологии Туркменистана в постсоветский период	89
Айкут Озбайрактар Ахмад ибн Мухаммад ас-Сахли аль-Хорезми, визирь государства Мамунидов	109

ИМЯ В НАУКЕ

А. Р. Ихсанов
Мурадгельды Соегов и его путь к «возвращению имён»
в истории туркменской науки117

В. Клемент
Слово об учителе129

ХРОНИКА

Х. Курбанов
Алмаз Язбердиев (1939–2023)130

М. Чарыев
Глоссарий, который так долго ждали133

Сведения об авторах.....135

Список сокращений.....135

Б. М. АБДУЛЛАЕВ

НОВОЕ В ЗАХОРОНЕНИЯХ ЭЙЛАТАНСКОГО ТИПА НА ВОСТОКЕ ФЕРГАНЫ (VII–III вв. до н.э.)¹

В работе представлены некоторые результаты археологических раскопок на памятнике эйлатанского типа могильнике Ханабад-1 в Андижанской области. Несмотря на наличие основных критериев погребальной обрядности эйлатанской культуры (грунтовая яма, чередование заполнения ямы послойно грунтом и галькой, выкладка поверхности могильника камнями, наличие невысоких каменных курганов над некоторыми могилами и др.), впервые для этой культуры выявлены некоторые особенности в трупоположении в позе «всадника», присутствии сопроводительного инвентаря в виде богато орнаментированной лепной расписной керамики. В то же время зафиксированы среди каменных засыпок могильника такие специфические земледельческие изделия, как фрагменты каменных серпов, что также встречается впервые. Тем не менее, несмотря на наличие каменных серпов и определенных элементов шурабашатской культуры в орнаментации сопроводительного инвентаря погребений, специфика сооружений могил и, в основном, обряда погребений соответствуют определенным типам Актамского, Кунгайского и Суфанского могильников западной и юго-западной Ферганы. Несомненно, особый интерес представляет и то, что именно на востоке долины выявлена могила со скорченным трупоположением, свойственным для более раннего периода – эпохи поздней бронзы, а также сооружение могильной камеры без усопшего, но с соблюдением всех ритуальных требований погребения для данного периода истории. Данные результаты полевых исследований позволяют утверждать, что могильник Ханабад-1 по своим масштабам, богато орнаментированной керамике, изделиям из минералов и различных металлов может являться одним из крупных центров погребений данной культуры.

Ключевые слова: Восточная Фергана, предгорья Тянь-Шаня, могильник, эйлатанская культура, лепная расписная керамика.

DOI: <https://doi.org/10.34920/1694-5794-36-001>

Цитирование: Абдуллаев Б. М. Новое в захоронениях эйлатанского типа на востоке Ферганы (VII–III вв. до н.э.). // Вестник МИЦАИ. Вып. 36. Самарканд, 2023. С. 7-19.

В 2020 г. археологическая группа посетила предгорья Ханабада в Андижанской области для определения здесь наличия археологических памятников. Территория Ханабада является приграничной зоной с соседним Кыргызстаном, где протекает река Карадарья, впадающая в Сырдарью. Известно, что главные рукотворные ирригационные сооружения древности – Шахрихансай (120 км) и Андижансай (60

км) – берут свое начало с этой реки. Процессы сооружения столь грандиозных для своего времени каналов привели к усиленному развитию урбанизации Ферганы раннежелезного века и ранней античности (Абдуллаев 2017: 116).

Все это позволяет предположить, что предгорья Ханабада являлись в эпоху раннего железа довольно густонаселенной местностью и своеобразной контактной зоной кочевых и оседлых культур древней Ферганы. Все вышесказанное привело к необходимости проведения предварительной археологической разведки местности. В результате выявлена цепь адыров у местечка Кашкайол, представленная древними могильниками, где местным населением были найдены

¹ Статья подготовлена по результатам Инновационного прикладного проекта № IL-62105791 «Создание 3D археологической карты и электронной базы данных посредством исследования археологических объектов в предгорьях Ханабада (Андижанская область)» на 2022–2023 гг.

Ил. 1. «Рукотворный разрез» адырной возвышенности Кашкайул, где просматривается горизонтальная цепочка галечных камней

целые сосуды лепной расписной керамики при выемке грунта для изготовления сырцового кирпича.

При визуальном обследовании адырной гряды было выяснено, что ее западная сторона была изрядно разрушена в результате выемки грунта местным населением на хозяйственные нужды в течение последних 10 лет. В процессе осмотра западного «рукотворного разреза» адырной возвышенности высотой 15–20 м от современной поверхности у его верхнего края зафиксирована имеющая ориентацию с севера на юг горизонтальная цепочка галечных камней среднего размера, просматриваемых под слоем грунта (толщиной 0,5–2 м). Этот горизонтальный ряд галечников, с небольшим понижением к югу, имел продолжение в длину почти всей разрушенной с западной стороны возвышенности в пределах 60–65 м (ил. 1). Последнее позволило предположить, что здесь располагался могильный курган, характерный для эйлатанской культуры. Примерно в средней части верхней кромки «разреза» выявлена полусферическая лепная чаша без росписи (ил. 2). В то

же время получен подъемный материал – фрагменты лепной расписной керамики, относящейся к раннежелезному периоду, с территории площадью около 1,5 га. Однако основная возвышенная часть памятника (0,67 га) использована местным населением под фруктовый сад – на восточной стороне от раскопа, а западная сторона от последнего (0,4 га) довольно длительное время подвергалась разрушению местным населением для хозяйственных нужд. Подобная аварийная ситуация требовала проведения здесь экстренных предварительных раскопочных работ, продолжавшихся в 2020–2021 гг. за личный счет группы. Лишь с 2022 г. на основании результатов предыдущих полевых сезонов был подтвержден двухлетний прикладной проект. С этого времени начаты широкомасштабные археологические исследования могильника в предгорьях Ханабада. Данный памятник по названию местности определен как могильник Ханабад-1 (40,81 55 32°, 73,00 91 48°; 755 м над уровнем моря). Поверхность каменной выкладки могильника была засыпана грунтом мощностью 0,5–2 м в 1960-х гг. при строительстве

Ил. 2. Лепная расписная чаша без росписи

канала, разрезавшего памятник в 20 метрах к востоку от его разрушенного западного края.

Из-за финансовой ограниченности полевые исследования 2020–2021 гг. проводились на участке поверхности адыра с наименьшей грунтовой подсыпкой, и был разбит раскоп площадью 10×10 м (ил. 3). За первые два года полевых исследований было вскрыто два погребения эйлатанского типа с сопроводительным инвентарем, а в полевом сезоне 2022 г. вскрыты и обследованы еще шесть могил.

Основными в полевых исследованиях 2022 г. были следующие задачи: определить продолжительность границ могильника Ханабад-1; выявить следы погребений на вскрываемой площади; изучить раскопанные захоронения; выполнить камеральную обработку всех полученных артефактов и реконструкцию археологически целых керамических изделий; подготовить образцы палеоантропологических, палеозоологических, палеоботанических, палеоминералогических и палеометаллических материалов для анализов.

В ходе раскопок 2020–2022 гг. вскрыта пло-

щадь более 530 кв. м, в основном по уровню верхней галечной выкладки могильника (ил. 4). Раскоп длиной 60 м и шириной 5–15 м и на глубину 1–2 м, расширенный с двух сторон раскопа 2020–2021 гг., ориентированный с юго-востока на северо-запад. В результате отмечено, что площадь древнего могильника выходит за рамки вскрытой площади, поскольку галечная выкладка уходит в бровку раскопа со всех трех (северной, восточной и южной) сторон. Раскопано и изучено шесть погребений. Выявлены следы, по крайней мере, 20 могил, на что указывают находки 25 целых и археологически целых лепных и частично станковых сосудов. Все археологически целые сосуды были отреставрированы и подготовлены к экспозиции в музее. В числе выявленного сопроводительного инвентаря погребенных имелись украшения из различных минералов, раковин, железа, бронзы и драгоценного металла.

Поскольку накопленный материал большой и требует разностороннего подхода в решении появляющихся проблем, то в данной статье ограничимся лишь указанием на сопоставительный анализ в

Ил. 3. Раскоп 2020 года площадью 10 × 10 м

сравнении с подобными из других могильников эйлатанской культуры. Он раскрывает своеобразие погребального обряда эйлатанского типа, охватывающего конструкцию кургана и могильной ямы, положение скелета в могиле, описание керамики.

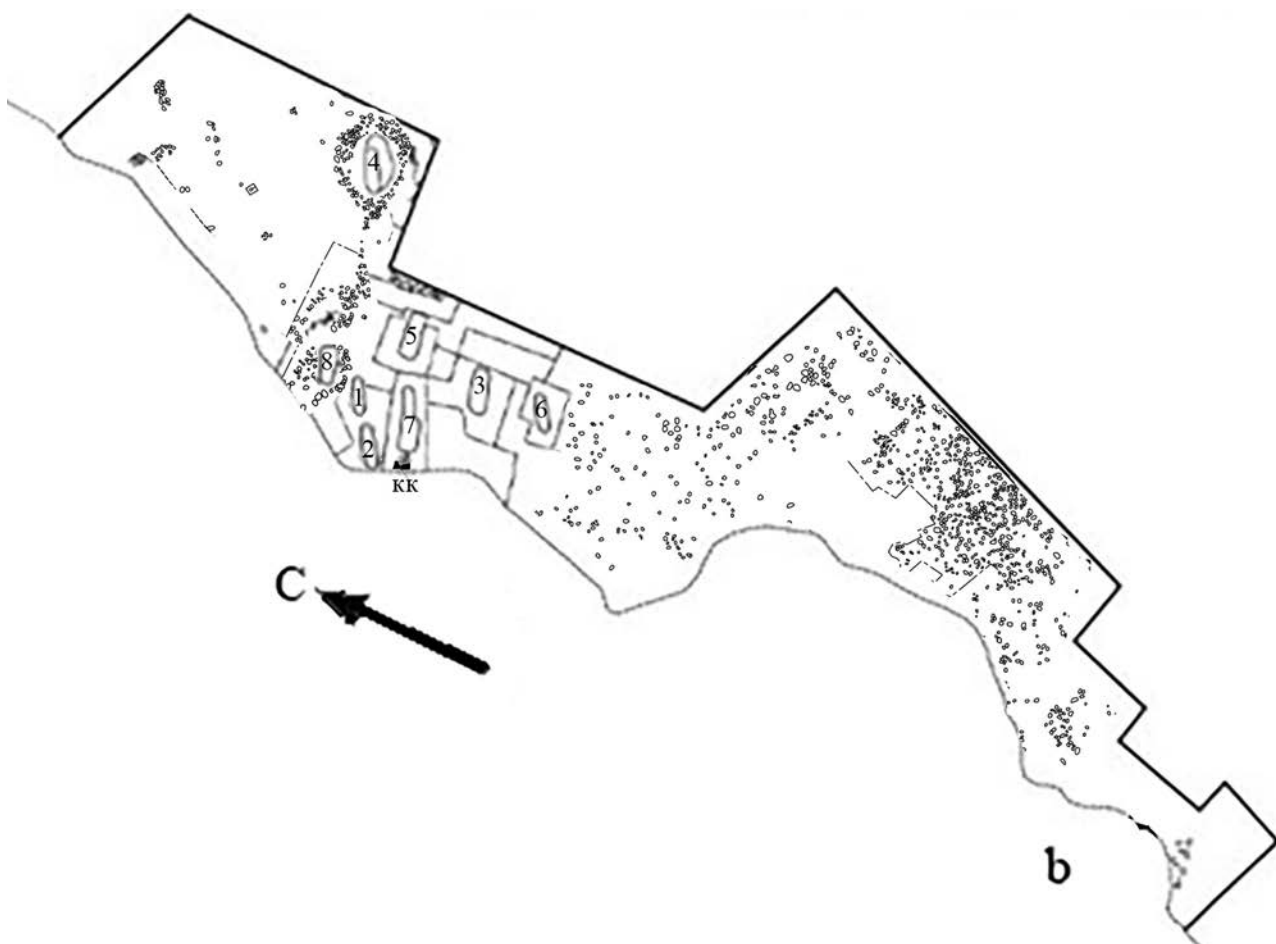
Перейдем к характеристике вскрытых погребений.

После снятия дернового слоя и углубления раскопа на 0,5–1,2 м в соответствии с мощностью залегавшего насыпного грунта поверх каменного кургана выявлена галечная выкладка на площади 10 × 8 м в западной части изучаемого объекта. В процессе зачистки галечной засыпки между ними начали выявляться фрагменты лепной расписной керамики (ил. 5, I), орнаментированные геометрическими и растительными узорами.

После фотофиксации галечного покрытия площадь была очищена от камней, под которыми находился слой грунта толщиной 15–20 см. Снятие грунтовой прослойки показало, что под ним располагался второй слой из галек, среди которых также получены фрагменты лепной расписной керамики, а также фрагменты двух каменных

серпов (ил. 5, II). Последние сохранились длиной 9–12 см при ширине 2–4,5 см и толщине 0,2–0,8 см.

Известно, что ферганские каменные серпы были свойственны для чустской и шурабашатской земледельческих культур, но не были отмечены на памятниках эйлатанской культуры. Ханабадские каменные серпы по своим размерам соответствуют подобным, выявленным на поселениях чустской и шурабашатской культур, средний размер которых составлял 15 × 4,2 × 0,8 см (Заднепровский 1962: 33, 36, ил. 12; Гаврюшенко 1970: 9). В целом чустская и шурабашатская культуры имеют много общего, а наиболее близкими или, скорее, родственными эти параллели просматриваются в лепной расписной керамике. О последней один из классиков фергановедов утверждал: истоки шурабашатской культуры восходят к чустской культуре эпохи бронзы, хотя непосредственного развития и промежуточного звена между ними пока выявить не удалось (Заднепровский 1960: 61). Однако результаты наших разведывательных исследований 2023 г. в массиве

Ил. 4. Раскоп 2022 года площадью 532 м²

Султанабад Кургантепинского района Андижанской области, расположенном в 6 км западнее от Ханабада, показали, что поселения чустской и шурабашатской культур располагались рядом – в 50 м друг от друга.

Продолжим описание погребений могильника Ханабад-1. На северо-восточной части раско-

па, у края обрыва, была выявлена конструкция из семи крупных галек размерами 50–70 × 20–30 × 30–15 см. Функциональное назначение последнего пока неизвестно, хотя в 2021 г. данная каменная конструкция была расчищена, внутри обнаружена камера (ил. 6) с двумя лепными расписными чашечками – одна с вертикальной пло-

Ил. 5. Фрагменты лепной расписной керамики и каменных серпов:
I – между камнями верхней засыпки; II – между камнями нижней засыпки

Ил. 6. Камера каменной конструкции, с лепными расписными чашами внутри:
1 – общий вид; 2 – чашечки крупным планом

ской ручкой, а вторая без нее (Абдуллаев 2023: 25, ил. 3). Отметим, что обе чашечки поставлены набор, хотя вполне могли уместиться вертикально. Все приведенные особенности и своеобразная сакральность находок позволяют предположить, что данная конструкция имела определенное отношение к религиозным и погребальным ритуалам древнего Ханабада.

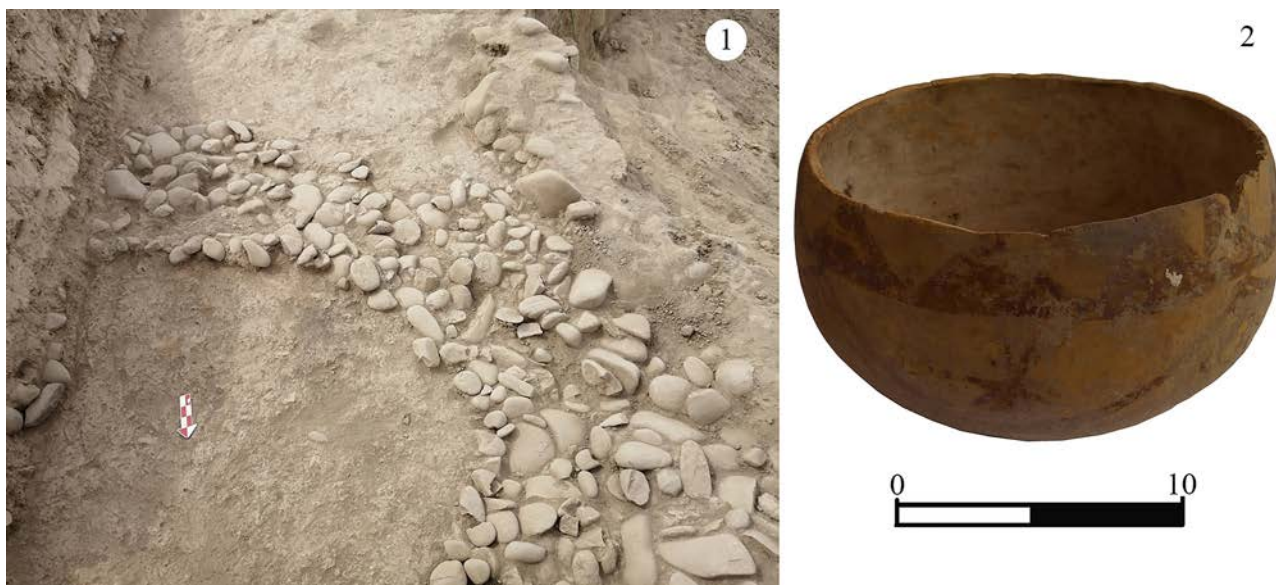
Среди второго ряда галечной насыпи, на восточной части раскопа, обнаружен полукруг, выложенный гальками среднего размера (ил. 7, 1). Западный край галечного полукруга обрывается у кромки обрыва. Подобные округлые галечные выкладки вокруг погребения являлись характерными для могильников эйлатанской культуры (Горбунова 1961: 173, ил. 2; Горбунова 1969: 73, ил. 2). Зачистка у восточного края выкладки выявила из-под грунтовой прослойки целую полусферическую лепную расписную чашу² (ил. 7, 2) высотой 8 см и диаметром устья 21 см. Чаша также была орнаментирована геометрическими узора-

ми. Известно, что на погребениях эйлатанской культуры нередко сопроводительный инвентарь располагался у изголовья с правой стороны погребальной ямы (Гамбург, Горбунова 1957б: 79–80, ил. 28; Горбунова 1969: 74, ил. 3). Соответственно, зачистка данного участка от сосуда показала следы впускной ямы могилы М-1 в виде небольшой галечной насыпи высотой 20–40 см. Конструктивно данная могила представлена в форме вытянутого овала, стенки её имели наклон книзу в 80°. Поэтому длина могилы по верху имеет длину 2,1 м, а по низу – 1,9 м, соответственно ширина по верху была в пределах 60–70 см, а нижняя – 60–50 см при глубине 75–80 см.

Своеобразием погребения являлось то, что покойник (длина скелета³ составляла 1,58 м) положен на спину и ориентирован с востока на запад, затем его последовательно закладывали слоем грунта и гальки мощностью 20 см (ил. 8), что также было характерным для основной части погребального обряда эйлатанской культуры (Горбунова 1969: 74).

² Весь грунт из полученных сосудов был извлечен для лабораторных анализов на предмет выявления органических остатков, семян растений и пыльцы.

³ Полный антропологический анализ вскрытых погребений не входит в задачи данной статьи.

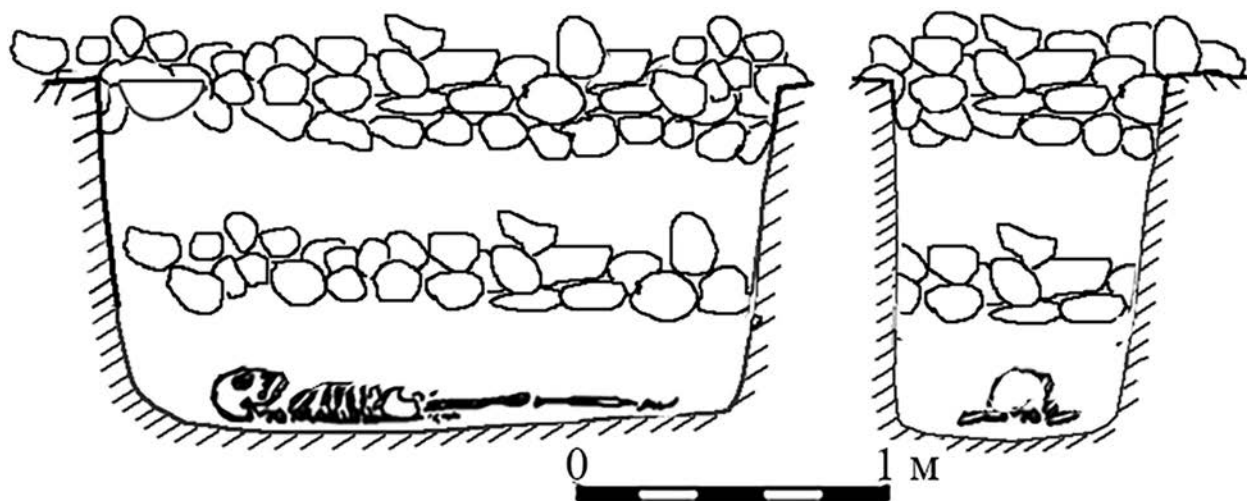

Ил. 7. Погребение М-1: 1 – полукруг, выложенный гальками среднего размера; 2 – лепная расписная чаша

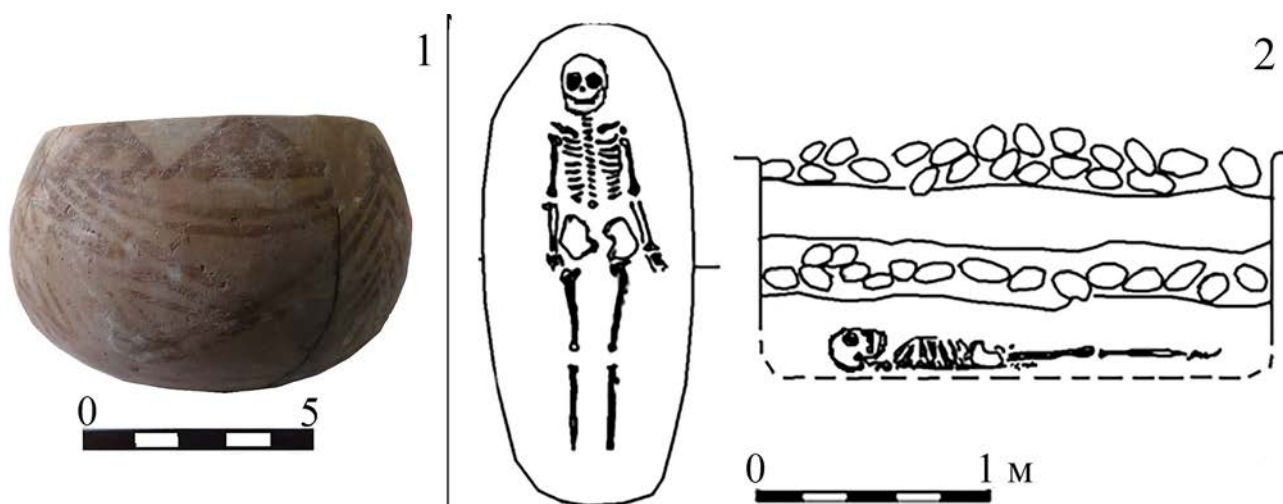
Дальнейшая зачистка внутри галечного круга позволила обнаружить вторую археологически целую полусферическую лепную расписную (диаметр 15 и высота 11 см) чашу (ил. 9, 1), к северо-востоку от которой были выявлены следы второго погребения М-2, каменная возвышенность над которым составляла 20–30 см. Погребальная яма тоже имела форму вытянутого овала, а впускная яма – последовательную закладку грунтом и гальками. Усопший положен на спину, головой к западу. Впускная яма имела следующие размеры: длина по верху 2,0 м, а по низу – 1,85 м, ширина соответственно 55–60 и 40–50 см при глубине 0,8 м (ил. 9, 2). Длина скелета составляла 1,53 м.

В центре раскопа, среди галечной выкладки, выявлены следы округлого временного (видимо, ритуального) очага диаметром 50 × 60 см, сооруженного поверх более раннего погребального инвентаря, состоявшего из одной лепной полусферической миски (диаметр 21 и высота 8 см) без росписи, со слегка вогнутым венчиком и одной станковой чашей (диаметр 12,5 и высота 7,5 см) с прямым венчиком (Abdullaev, Kambarov 2021: 247, fig. 6). Сосуды были целыми, однако лепная чаша, видимо, оказавшаяся под непосредственным влиянием огня от позднего очага, при ее извлечении развалилась на несколько фрагментов.

После снятия галек с правой стороны сосудов начали выявляться следы третьего погребения

Ил. 8. Погребение М-1 – схема заполнения могильной ямы

Ил. 9. Погребение М-2: 1 – лепная расписная чаша; 2 – план и разрез могильной ямы

М-3 (ил. 10). Несмотря на наличие небольшого каменного курганчика над погребением, не удалось сразу выявить стенки впускной ямы. Также отмечен факт отсутствия последовательной выкладки слоев камня и грунта внутри могильной камеры – они были перемешаны, там были обнаружены фрагменты черепа. Лишь после более полуметрового углубления были обнаружены стенки впускной ямы, сохранившейся на длину 1,85 м, ширину 70–75 см, глубину – 1,25 м. Погребенный также положен на спину головой к западу. Однако, в отличие от предыдущих, ноги покойника были согнуты в позе «всадника». Верхняя часть скелета была сильно потревожена – почти полностью (за исключением некоторых частей) отсутствовал череп, а также недоставало большинства костей обоих предплечий и ребра грудной клетки. Все вышесказанное позволяет утверждать, что разграбление погребения произошло еще в древности. По этой причине длина скелета представлена приблизительно – 1,52–1,54 м. Однако, по мнению антрополога, на основании длины нижних конечностей, можно предположить, что рост скелета не превышал 1,65 м, а наличие «большой седалишной вырезки» (*incisura ischiadica major*)⁴ черепа позволяет судить о принадлежности покойного к женскому полу.

Тем не менее, даже сохранившийся после ограбления сопроводительный инвентарь был намного богаче, чем в остальных вскрытых погребениях могильника. Так как наряду с многочисленными украшениями (бусы из различных минералов и железных серег, колец и булавок) получены изделия из цветного (бронза) и фраг-

ментарно драгоценного (золота) металлов, все это, несомненно, указывает на достаточно высокий общественный статус усопшей особы. В то же время положение усопшей в «позе всадника» позволяет предположить, что данная особа при жизни хорошо ездил верхом на лошади. Последнее соответствует летописным сведениям об амазонках или участии женщин-всадников кочевых племен, наравне с мужчинами, во время военных столкновений.

Погребение М-4 особо (ил. 11, 1) выделялось

Ил. 10. Погребение М-3 – положение скелета при вскрытии

⁴ Подобное определение основано по методу Дж. Булкстра и Д. Убелакера (*Bulkstra, Ubelaker 1994: 18*).

Ил. 11. Погребение М-4: 1 – общий вид; 2 – положение скелета крупным планом

от других по многим параметрам: оно покоилось под большим округлым курганом диаметром 8–9 м, высотой до 45 см из галек среднего и большого размеров. Конструктивно могила представляла собой впускную яму подовальной формы.

Ил. 12. Погребение М-5 – положение скелета при вскрытии

Глубина могилы от грунта под каменной насыпью составляла 1,3 м, длина по верху 2,7 м, а по низу – 1,9 м, ширина соответственно 0,81–1,4–0,75 м, 55–60–50 см.

Особый интерес представляет и сопроводительная керамика погребенного в виде двух лепных расписных чаш (ил. 11, 2), располагавшихся по отдельности в полочках, проделанных по центру северной и южной стен впускной ямы на глубине 55 и 65 см от поверхности соответственно. Погребение М-4 не имело следов грабежа, однако никаких других предметов в сопроводительном инвентаре, кроме указанных двух лепных расписных чаш, не обнаружено.

Вся интрига этого погребения состоит в том, что покойник был положен в согнутом положении, на правом боку и головой на запад. Необходимо отметить, что скелет погребенного намного лучше сохранился, чем в остальных вскрытых могилах. Скелет умещался в восточной половине могильной ямы, а череп – в центре, да еще был перевернут и приставлен макушкой к плечам! По этой причине длина скелета, составлявшая не менее 1,62 м, представлена приблизительно. Пространство в 90 см от центра к западной стенке ямы было заполнено послойно, в основном крупными камнями (диаметром 45–60 см) и землей. Далее яма заполнялась послойно грунтом и галькой среднего и мелкого размера.

В скорченной позе обычно хоронили только в эпоху бронзы (Окладников 1956: 16; Гамбург, Горбунова 1957а: 134, рис. 5), но почему столь архаичная традиция повторилась в могиле раннего железного века – уникальная научная загадка! К тому же, зачем нужно было сооружать погребальную камеру относительно глубже, чем в других могилах, и такую длинную, если усопший укладывался в яму согнутым? Это, несомненно, связано наличием особой социальной стратифи-

Ил. 13. Погребение М-6 – положение скелета при вскрытии

Ил. 14. Погребение М-7 – положение скелета при вскрытии

кации, отразившейся на погребальных обрядах ханабадского варианта эйлатанской культуры, так как в других могильниках данной культуры подобные захоронения не встречались.

Погребение М-5 представлено впускной ямой, ориентированной с северо-востока к юго-западу (ил. 12). Каменный курганчик высотой 30–35 см, перекрывавший и немного выступавший из могильной ямы, сложен из галек крупного и среднего размера, что предвещало хорошую сохранность захоронения. Однако вскрытие показало, что камни и грунт в яме были перемешаны с преобладанием последнего. Интересно, что две лепные (одна расписная, диаметром 11,5 см и высотой 9 см, другая без росписи, диаметром 16 см и высотой 8 см) чаши располагались посередине данного смешанного заполнения, сразу под каменным курганчиком.

Глубина погребения составляла 1,0 м, длина по верху 2,05 м, а по низу – 1,85 м, ширина соответственно 45–60 см, 50–80 см. Длина скелета составляла 1,58 м. Есть вероятность, что это

погребение также было ограблено в древности, поскольку обычно послойное заполнение могильной камеры было перемешано. В то же время получено незначительное число довольно многочисленных для первых двух погребений бус из различных минералов и железных украшений.

Погребение М-6 отличается от других могил тем, что его глубина составляла всего 0,6 м (ил. 13). Другие особенности аналогичны эйлатанским захоронениям. Поверхность могилы представляет собой смесь камней и почвы, без каменного кургана. Между камнями с юго-западной стороны поверхности могилы, у левого плеча скелета, выявлена полусферическая лепная расписная чаша с плоским дном, диаметром 14 см и высотой 8,5 см.

Ил. 15. Погребение М-8 – общий вид кенотафа и находка крупным планом

Погребальная камера была послойно засыпана землей и мелкими камнями (диаметром 7–10 см) толщиной 15–20 см. В верхней части могильной ямы количественно преобладали камни среднего и крупного размера. Длина могильной ямы составляет 1,85 метра, ширина 55–45 см, длина скелета в ней составляла 1,6 м. Погребенный также положен на спину, ноги вытянуты, руки по обеим сторонам, а череп наклонен к ногам, чему способствовала каменная подушка под головой. Использование последней в погребальных обрядах эйлатанской культуры существует с Актамского этапа (*Гамбург, Горбунова* 1957б: 79). Сохранность скелета несколько лучше, чем в могилах М-3, М-5 и М-7. Вероятно, это связано с тем, что останки принадлежали мужчине, поскольку в составе сопроводительного инвентаря отсутствовали женские украшения.

Погребение М-7 (ил. 14) ориентировано на юго-запад. Особенностью обряда захоронения является то, что при заполнении могильной ямы не использовался камень. Могильная камера полностью засыпана грунтом, что фиксируется впервые за все время исследований в Ханабаде. Тем не менее, по верху могила М-7 была покрыта грудой камней средних и крупных размеров, как и в других погребениях. В целом грунтовая засыпка могилы имела хождение у представителей кочевых

культур древности (*Бернштам* 1952: 190).

Следующей особенностью впускной ямы является то, что она сооружена очень узко и глубоко: длина 1,8 м, ширина у изголовья 40 см, ширина по центру 55 см, у изножья 35 см, при глубине 1,4 м – довольно глубоко! Длина скелета составляла 1,58 м. Ближе к центру южной стенки могилы, на высоте 50 см от ее пола, была врезана специальная полка, в которой находились две станковые чаши – одна диаметром 22 см и высотой 10,8 см, другая диаметром 16 см и высотой 7,8 см. Более крупный из этих сосудов соответствует классической эйлатанской станковой чаше, просуществовавшей до III в. до н.э. (*Горбунова* 1970: 84–85).

Погребенный также положен на спину, ноги перекрещены – правая нога переброшена поверх левой. Положение рук также выделяется: левая рука согнута у груди, а ладонь согнута в сторону ног, в то время как ладонь правой руки направлена к локтю левой. Отметим, что под скелетом обнаружено несколько плоских камней – под головой, под лопатками, под тазом и более крупными камнями с двух сторон колен ног, как бы фиксируя их положение.

Своеобразием полевого сезона 2022 г. явилось то, что среди вскрытых могил выявлен кенотаф – М-8 (ил. 15). Могила поверху выкладывалась каменным курганом диаметром 2–3 м, высотой

30–40 см. Под ней шла впускная яма длиной 1,8 м, шириной 60–75 см и глубиной 0,8 м. Могильная камера, такая же, как в М-7, имевшая врезную полочку в центре южной стены, где обнаружена лепная расписная чаша, полностью засыпана грунтом. В древней истории не только Ферганы, но и Центральной Азии в целом подобные кенотавы часто представлены в могильниках кочевых культур (Бернштам 1952: 189), что, вероятно, связано с утратой тела воина по каким-либо причинам.

Таким образом, полевые исследования 2020–2022 гг. на могильнике Ханабад-1 выявили такие артефакты, как комплекс лепной расписной и станковой керамики, предварительно датированный сер. I тыс. до н.э. Необходимо отметить, что впервые на могильнике эйлатанской культуры получены сосуды с орнаментацией, включающей наряду с чисто кочевыми узорами (ряд крупных треугольников) элементы земледельческих (ромбы, заполненные геометрическими и растительными узорами), охватывающих основную часть сосуда. В то же время зафиксированы среди каменных засыпок могильника чисто земледельческие изделия, такие как фрагменты каменных серпов. Тем не менее, несмотря на наличие каменных серпов и определенных элементов шурабашат-

ской культуры в орнаментации сопроводительного инвентаря погребений, специфика сооружений могил и, в основном, обряда погребений соответствуют определенным типам Актамского, Кунгайского и Суфанского могильников западной и юго-западной Ферганы. Несомненно, особый интерес представляет то, что именно на востоке долины выявлена могила со скорченным труположением, а также сооружение могильной камеры без усопшего, но с соблюдением всех ритуальных требований погребения для данного периода истории.

Все вышеприведенное указывает на специфичный эволюционный процесс кочевников эйлатанской культуры в предгорьях данного региона, включавший в себя различные элементы культуры и быта не просто кочевников и оседлых племен данного периода, но и традиции захоронения более древних культур. Данные результаты полевых исследований, показывают, насколько богато наследие Ханабадского могильника кочевой эйлатанской культуры. Последнее позволяет утверждать, что могильник Ханабад-1 по своим масштабам, богато орнаментированной керамике, изделиям из минералов и различных металлов может являться одним из крупных центров погребений данной культуры.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Абдуллаев 2017 – Абдуллаев Б. М. Урбанизационные процессы в античной Фергане // История и археология Турана. Самарканд, 2017. № 3. С. 113–120.
- Абдуллаев 2023 – Абдуллаев Б. М. К проблеме эйлатанской культуры древней Ферганы // Вестник МИЦАИ. Вып. 35. Самарканд, 2023. С. 19–35.
- Бернштам 1952 – Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая // МИА, № 26. М.-Л.: АН СССР, 1952. 343 с.
- Гаврюшенко 1970 – Гаврюшенко П. П. Кулунчакское укрепленное поселение // Автореф. дисс. канд. ист. наук. Ташкент, 1970.
- Гамбург, Горбунова 1957а – Гамбург Б. З., Горбунова Н. Г. Новые данные о культуре эпохи бронзы Ферганской долины // СА. 1957. № 3. С. 130–135.
- Гамбург, Горбунова 1957б – Гамбург Б. З., Горбунова Н. Г. Ак-Тамский могильник // КСИИМК. № 69. М.: Наука, 1957. С. 78–90.
- Горбунова 1961 – Горбунова Н. Г. Кунгайский могильник // АСГЭ. Вып. 3. Л.: Гос. Эрмитаж, 1961. С. 171–194.
- Горбунова 1969 – Горбунова Н. Г. Суфанский могильник // АСГЭ. Вып. 11. Л.: Гос. Эрмитаж, 1969. С. 72–91.
- Горбунова 1970 – Горбунова Н. Г. О локальных особенностях в культуре древней Ферганы // СА. 1970. № 1. С. 77–86, карт.
- Заднепровский 1960 – Заднепровский Ю. А. Археологические памятники южных районов Ошской области. Фрунзе: Изд-во АН Киргизской ССР, 1960.
- Заднепровский 1962 – Заднепровский Ю. А. Древнеземледельческая культура Ферганы // МИА. Вып. 118. М.-Л.: АН СССР, 1962.
- Окладников 1954 – Окладников А. П. Предварительный отчет об исследовании памятников каменного и бронзового веков в Таджикистане летом 1954 года // АРТ в 1954 году. Сталинабад: АН Таджикской ССР, 1956. С. 5–18.
- Abdullaev, Kambarov 2021 – Abdullaev B. M., Kambarov N. Sh. Xonobod yodgorligida olib borilgan tadqiqotlarning dastlabki natijalari // International conference: "The history of the Fergana valley in new researches". Section 1: Archeology and Ethnology of the Fergana Valley. 2021. В. 233–249. <https://doi.org/10.47100/conferences.v1i1.1299>
- Bulkstrra, Ubelaker 1994 – Bulkstrra J., Ubelaker D. Standards for date collections from human skeletal remains // Proceeding of a seminar at the Field Museum of natural history, organized by Jonathan Haas. Arkansas, 1994.